

20103 (159)
Я44
4-34909



И. Я. ЯКОВЛЕВ

**АЧА-ПЯЧА
КАЛАВЕСЕМ**

**ДЕТСКИЕ
РАССКАЗЫ**

И. Я. ЯКОВЛЕВ

**АЧА-ПӐЧА
КАЛАВӐСЕМ**



**ДЕТСКИЕ
РАССКАЗЫ**

На чувашском и русском языках

Шупашкар
Чӑваш кӑнеке издательстви
Чебоксары
Чувашское книжное издательство
2001





АВТАН

Пирён пёр пысак хёрлэ автан пур. Въл тър кăнтърла ура-па сине хăпаратъ те: «Кики-рик-ку!» — тесе авăтатъ. Сас-си аван, хўри илемлэ, авăна-авăна търать. Кикирикки пысак, тѣклэ ураллă, качи въръм.

Сирён автан сапла-и?

ПЕТУХ

Есть у нас большой красный петух. Каждый раз ровно в полдень взлетает он на телегу и громко поёт: «Кукаре-ку-у!» Голос у него — прямо заслушаешься, хвост — загляденье, колесом. Гребешок у петуха большой, ноги мохнатые, шпоры длиннющие.

А ваш петух каков?

ЧАКАК

Чакак сулла вярманта пурәнать, юр сусан яла пырать. Сулла вярманта вәл чәпә кәларать, ялтан сәмарта вярласа кайса чәпписене тәрантарать. Хәлле, сивә пулсан, йывәрләх сине ларать те: «Чак-чакак, чак-чакак», — тесе чакаклатать.

«ЧАК-ЧАГАК»

Летом сорока живёт в лесу, а выпадет снег — прилетает в деревню. В лесу она в летнюю пору выводит птенцов, таскает для них в деревне яйца. Зимой, когда сильно морозит, сорока взлетает на крышу, садится там на снегу и начинает стрекотать: «Чак-чагак, чак-чагак».



САРМАНТЕЙ

Сармантейән сарә чәххи сарә сәмарта тунә; әна шәши пынә та хурипе сәпса сәмәрнә. Сармантей те йәрет, сарә чәххи те какалать. Хапхи калать:

— Манән та уәлса хупәнас, — тет.

Анать вәкәр шыва куллен-кун.

— Хапха, эсә мәншән уәлса хупәнатән? — тет.

— Уәлса хупәнмасәр, — тет. — Сармантейән сарә чәххи сарә сәмарта тунә; әна шәши пынә та хурипе сәпса сәмәрнә. Сармантей те йәрет, сарә чәххи те какалать тет.

Вәкәр калать:

— Манӑн та мӑкӑрсе анас, — тет. Мӑкӑрсе анать шыв хӑррине. Шыв калать:

— Мӑншӑн, вӑкӑр, мӑкӑретӑн?

— Мӑкӑрмесӑр, — тет. — Сармантейӑн сарӑ чӑххи сарӑ сӑмарта тунӑ тет; ӑна шӑши пынӑ та хӑрипе сӑпса сӑмӑрнӑ тет. Сармантей те йӑрет тет, сарӑ чӑххи те какалать тет, хапхи те усӑлса хупӑнать.

Шыв калать:

— Манӑн та хумханас, — тет.

Пӑр сӑнӑ сӑн шыв ӑсма анать:

— Шыв, мӑншӑн хумханатӑн? — тет.

— Хумханмасӑр, — тет. — Сармантейӑн сарӑ чӑххи сарӑ сӑмарта тунӑ тет; ӑна шӑши пынӑ та хӑрипе сӑпса сӑмӑрнӑ тет. Сармантей те йӑрет тет, сарӑ чӑххи те какалать тет, хапхи те усӑлса хупӑнать тет, вӑкӑрӑ те мӑкӑрет.

Сӑнӑ сӑн калать:

— Манӑн та пӑр витрине сӑпса сӑмӑрес, — тет. Сӑпса сӑмӑрет витрине. Киле таврӑнать. Хунямӑшӑ чуста сӑрать.

— Кин, мӑншӑн хӑрах витрепе анчах ӑсса килтӑн? — тет.

— Ӑсса килмесӑр, — тет. — Сармантейӑн сарӑ чӑххи сарӑ сӑмарта тунӑ тет; ӑна шӑши пынӑ та хӑрипе сӑпса сӑмӑрнӑ тет. Сармантей те йӑрет тет, сарӑ чӑххи те какалать тет, хапхи те усӑлса хупӑнать тет, вӑкӑрӑ те мӑкӑрет тет, шыв та хумханать.

Хунямӑшӑ калать:

— Манӑн та чустана кӑларса ывӑтас, — тет. Кӑларса ывӑтать.

Ывӑлӑ кайнӑ вӑрманна. Таврӑнать вӑрмантан. Ывӑлӑ калать:

— Мӑншӑн яшка пӑсермерӑр? — тет.

Амӑшӑ калать:

— Сармантейӑн сарӑ чӑххи сарӑ сӑмарта тунӑ тет; ӑна шӑши пынӑ та хӑрипе сӑпса сӑмӑрнӑ тет. Сармантей те йӑрет тет, сарӑ чӑххи те какалать тет, хапхи те усӑлса хупӑнать тет, вӑкӑрӑ те мӑкӑрсе анать тет, шыв та хумханать тет, сӑнӑ сӑн та хӑрах витрине сӑпса сӑмӑрнӑ.



Ывӑлӗ калать:

— Манӑн та хӑрах атта кӑларса ывӑтас, — тет.

Кӑларса ывӑтатӑ.

Пётрӗ.

САРМАНДЕЙ

Сармандею курочка снесла жёлтое яичко. То яичко жёлтое мышь хвостом разбила. Плачет, плачет Сармандей, с горя курочка кудахчет.

Растревожились ворота:

— Распахнёмся-ка пошире да закроемся опять.

Бык идёт на водопой:

— Эй, ворота, что тут с вами?

Отвечают те ему:

— Как же нам не раскрываться, как же нам не закрываться? Сармандею курочка снесла жёлтое яичко; то яичко жёлтое мышь хвостом разбила. Плачет, плачет Сармандей, с горя курочка кудахчет.

Говорит воротам бык:

— Зареву-ка я погромче. — С рёвом он к реке спустился.

Молвит тут ему река:

— Что ревёшь ты, бык рогатый?

— Как же быть иначе мне? — отвечает речке бык. — Сармандею курочка снесла жёлтое яичко; то яичко жёлтое мышь хвостом разбила; весь в слезах наш Сармандей, с горя курочка кудахчет, а ворота то закрыты, то раскроются опять.

А река и говорит:

— Не останусь я в сторонке, вместе станем горевать.

По воду идёт молодка:

— Что горюешь, реченька?

— Как же мне не горевать? Сармандею курочка снесла жёлтое яичко; то яичко жёлтое мышь хвостом разбила; с горя

плачет Сармандей, с горя курочка кудахчет, а ворота то закрыты, то раскроются опять; бык и то ревмя ревёт.

Суется молодушка:

— С горя горького и я разобью сейчас ведро. — Раз и нет того ведра.

Вот идёт она домой, а свекровь навстречу ей:

— Что же, сношенька моя, ты идёшь с одним ведром?

— До ведра ли, до воды ли, — говорит сноха в ответ. — Сармандею курочка снесла жёлтое яичко; то яичко жёлтое мышь хвостом разбила; плачет, плачет Сармандей, с горя курочка кудахчет, а ворота то закрыты, то раскроются опять; бык и то ревмя ревёт, вся в слезах река течёт.

Говорит свекровь снохе:

— Дай-ка выброшу я тесто.

Вмиг квашёнка полетела.

Сын вернулся из лесу, говорит, голодный он:

— Что яшку* вы не варили?

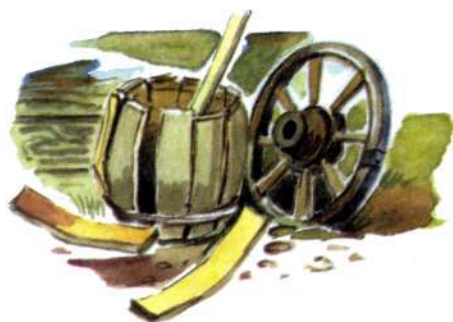
— Сармандею курочка снесла жёлтое яичко; то яичко жёлтое мышь хвостом разбила; плачет, плачет Сармандей, с горя курочка кудахчет, а ворота то закрыты, то раскроются опять; бык и то ревмя ревёт, речка вся в слезах течёт, молодушка же у нас без ведра пришла домой.

Тут и сын загоревал:

— Сброшу-ка с ноги сапог.

Живо он сапог стащил.

Вот и сказке той конец.



*Яшка (по-чувашски) — суп.

ЛАША ШЫРАНИ

- П**ёр сын хайён айёнчи лашине вищё кун шыранă тет.
Пёр яла пырса ыйтать тет:
— Лаша курмарăр-и? — тесе.
— Çук, курмарăмăр, — тесе калаççё тет.
Тата тепёр яла пырса ыйтать тет:
— Лаша курмарăр-и? — тесе.
— Çук, курмарăмăр, — тесе калаççё тет.
Çапла ялтан яла тек сўрет тет. Сўресен-сўресен пёр асларах
сынна тёл пулчё тет те:
— Эсё аста та пулин ют лаша сўренине курман-и? — тесе
калать тет.
— Çук, курман. Хăсан сұхалнă сан лашу? — тесе каларё
тет.
— Паянхипе вищё кун ёнтё ак, — тесе каларё тет.
— Лашу мён тёслёччё? — тесе каларё тет леш сынё.
— Шурă улаччё, — тесе каларё тет.
— Çак ху айантиех мар-и? — тесе каларё тет лешё.
Хайхи ут синчен анса пăхрё тет те лашине:
— Çакă, çакă, çакă! — тесе каларё тет. Лаши сине сиксе
утланчё тет те саваннипе чуптара пачё тет килне.

КАК МУЖИК ЛОШАДЬ ИСКАЛ

- Т**ри дня искал мужик лошадь, на которой сидел верхом.
Приезжает он в одну деревню и спрашивает:
— Братцы, не видел ли кто приبلудную лошадь?
— Нет, — отвечают селяне, — не видали.
Приезжает в другую:
— Братцы, не видел ли кто приبلудную лошадь?
— Нет, — отвечают, — не видали.

Из сил выбился мужик, а лошади нет как нет. Повстречал наконец он рассудительного старика.

— Не видали ли, дед, где приبلудную лошадь?

— Нет, не видал. А когда она у тебя пропала?

— Да вот третий день как ищу.

— А какой она масти?

— Пегая, дед, пегая.

— А не та, что под тобой?

Мужика как ветром сдуло с коня. Соскочил и смотрит. Смотрел-смотрел на лошадь, что была под ним, да как закричит:

— Эта! Эта! Эта!

Проворно взобрался на неё и, радостный, вихрем помчался домой.

ЁСЅИЧЕ

Э пир пёрре чикёри ана ҫинче туля выратпяр. Эпё кёлте ҫыхрам та а́на тём ҫине леҫсе хутам, ҫав вӑхӑтра ҫурлана таҫта ҫухатрам. Пӑхкалатӑп-пӑхкалатӑп — ҫук. Ҫурлана пичче тупнӑ та каламасӑр тӑрать. Атте уншӑн ҫилленчӑ те ятла пуҫларӑ.

— Ёҫ патёнче вылямаҫҫӑ, ёҫ юлать! — терӑ.

Мана тата:

— Кёлте ҫыхнӑ чухне ҫурлана хулпуҫҫи ҫине хураҫҫӑ, — терӑ.

НА ЖНИТВЕ

Ж али мы один раз около самой межи пшеницу. Связал я сноп и отнёс его в пяток. Тут я и задевал куда-то свой серп. Смотрю туда, смотрю сюда — нет нигде. А старший брат нашёл мой серп и помалкивает. Отец рассердился на него и говорит:

— Во время работы не играют!

Потом добавил:

— Когда вяжут сноп, серп через плечо перевешивают.

ЧАЛХА СЫХНИ

Э пё пёчэксё чухне пёрре анне пусланя чялхана сыхма тытантам. Сыха пёлмесёр сиппине пётёмпе чялхантарса пётёртём.

Анне сакна курчё те:

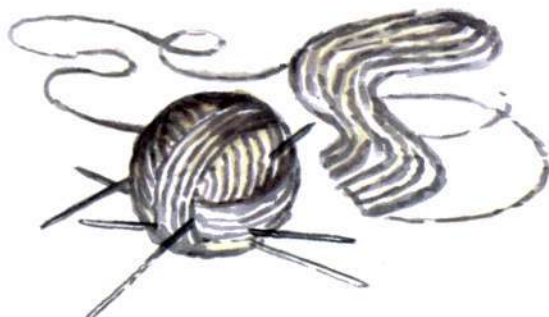
— Ачам, малтан сыхма вёрен-халё, унтан тин сыхтарайп, — терё.

КАК Я ЧУЛОК ВЯЗАЛА

Когда я была маленькая, вздумалось мне раз чулок довязывать, который мать начала. Спиц я до того в руки не брала и все нитки перепутала.

Увидела это мать и говорит:

— Нет, доченька, ты сначала вязать научись, а потом за чулок берись.



МИХАЛА

Манән Михала ятлә юлташ вёр сөнә пушә яврә. Сав пушшипе куракана пёрне сапатчә. Пёрре сапла сисе ларакан йәмакә патне пычә те пушшипе шарт! тутарчә пусәнчен. Йәмакә йәре пусларә. Амәшә илтрә те чупса та кәчә. Михаларан пушшине туртса илчә те хайне саптарә пусларә. «Ан тив сынна, ан тив сынна, ак сана!» — терә.

Сапа пёлмен пушә хайне савранса тивнә тесе саванпа каланә пулә.

КНУТ

Был у меня товарищ Михаля. Свил он себе новый кнут, и захотелось ему тем кнутом каждого встречного бить. Увидел он однажды свою младшую сестрөнку, которая что-то ела, и раз! её кнутом по голове. Та в слёзы. Услыхала это мать, прибежала скорее, вырвала у Михали кнут и давай его стегать: «Не тронь людей, не обижай! Вот тебе!»

Выходит, и от своего кнута тебе же достанется, если ты им пользуешься неумеючи.

СЎСМЕН ХАКӘ

Пирән ялта ёлэк пёр сын пасартан сўсмен илсе тавраннә тет. Ун патне кўрши пынә тет те:

— Сўсменне хаклә патән-и? — тесе ыйтрә тет.

Ку каларә тет:

— Хакне-мённе пёлмерәм, аллә пус патәм, — терә тет.

СКОЛЬКО СТОИЛ ХОМУТ

Давно уж это было. Один крестьянин из нашей деревни купил на базаре хомут и принёс его домой. Пришёл к нему сосед и спрашивает:

— Много ли за хомут заплатил?

А тот ему в ответ:

— Цену-то я не знаю, а заплатил полтинник.

УТӀРА

Вищё сын утга кайнӀ тет. Вёсен лаши лачакана путса ларнӀ тет. Ыыннисем пёри Каринкке ятлӀ, тепри Емелкке ятлӀ, вищёмёшӀ Ыаманкка ятлӀ пулнӀ тет.

Ыаманкка калать тет:

— Как быть, Каринкке? Епле тӀвас, Емелкке? — тесе калать тет.

Каринкки калать тет:

— Ыапла тӀвас, Ыаманкка! — тесе калать тет. Лашине аран туртса кӀларнӀ тет вара.

НА СЕНОКОСЕ

Поехали три мужика на сенокос. Одного-то звали Каринке, другого — Емельке, а третий был Сяманка. Лошадь у них и увязни в болоте.

Всполошился тут Сяманка:

— Как быть, Каринке? Что нам делать, Емельке?

Каринке и говорит:

— Сами знаем, Сяманка!

Пока они рассуждали, лошадь ещё глубже увязла. Еле-еле они её потом вытащили.



ВӀРӀМТУНАСЕМПЕ СТАРИК

ПӀр старик ҫулла вӀрманта канма выртнӀ тет. ВӀрӀмтунасем пыраҫҫӀ тет те ун патне: «П-и-ч-ч-е-п-Ӏ-ч-ч-е-н», — тесе калаҫҫӀ тет. ПӀри ҫапла каласа каять тет, тата тепри пырать тет: «П-и-ч-ч-е-п-Ӏ-ч-ч-е-н», — тесе калать тет. Старик вытрӀ-вытрӀ тет те: «ХалӀ пӀри Ӏҫсе кайрӀ; эсир мӀн пӀчченӀ, темисенӀ!» — тесе калать тет. Старик сӀхманӀпе чипертерех пӀркенсе вытрӀ тет те ҫыртма паман тет вара.

СТАРИК И КОМАРЫ

Влетнюю пору шӀл старик лесом, устал и прилӀг отдохнуть. Тут его и начали долгоносики донимать: «А дядя-то оди-и-ин, оди-и-и-ин, и-и-и-и». Один подлетит да запишит, другой, третий, и все своё: «Оди-и-и-ин! Оди-и-и-ин!» Ворочался-ворочался старик, да не вмоготу ему стало. «Какое там, — говорит, — один. Вон вас сколько!» Завернулся он лучше в свой кафтан и снова улӀгся. Комары уж его больше не кусали.

ПУЛӀ СӀРНИ

ПӀр аслӀ кӀлӀре чӀвашсем, вырӀсsem, мӀкшӀсем пулӀ сӀрсе ҫӀреҫҫӀ тет.

ЧӀвашсем сӀрсе кӀлармассерен:

— Ҫук та ҫук! — тесе калаҫҫӀ тет.

МӀкшӀсем сӀрсе кӀлармассерен:

— Араҫ та араҫ! — тесе калаҫҫӀ тет.

— Ку епле чӀвашпа мӀкшӀ телейлӀ? ШӀккe те карас, шӀккe те карас тытаҫҫӀ! — тесе тӀлӀнеҫҫӀ тет вырӀсsem.

ВырӀс, тутар, чӀваш — пурте ҫын.

НА РЫБНОЙ ЛОВЛЕ

На одном большом озере чуваши, русские и мордва ловили неводом рыбу.

Чуваши, как только вытащат невод, так и начнут переговариваться:

— Сюк, сюк*!

А от мордвы, лишь невод к берегу подтянут, только и слышно:

— Арась, арась**!

— Что же это чуваши и мордва такие счастливые? Одни им щуки да караси, щуки да караси только и попадаются! — дивятся русские.

Чуваши, русские, мордва — все люди.

СИЛ-ТАВЎЛ

Эпир пёрре сулла серем синче вярлӑх сапатпӑр. Сисмен те хамӑр, пирӗн тӗле пӗлӗт хупланӑ илнӗ, санталӑк сӗм тӗттӗм пулчӗ тӑчӗ. Унччен те пулмарӗ сил-тавӑл пирӗн сарӑма тырри-мӗнӗпе варкӑштара пусларӗ. Нимӗн тӑва пӗлместпӗр. Хӑшӗ аллине кӗреҫе тытнӑ та улӑмсене тӗрткелесе сӳрет, хӑшӗ сенӗк илнӗ те тырӑ хырма тытӑнать.

Пирӗнпе пӗрле тырӑ ҫапакан кӳршӗ лашине утланӑ, пирӗн тавра кустарса сӳрет.

— Тӗнче пӗтет, тӗнче пӗтет! Чӗлӗмӗм ӑҫта-ши? — тесе кӑшкӑрать.

Тавӑл чарӑнсассӑн хамӑртан хамӑр кулатпӑр.

Аптранӑ кӑвакал кутӑн чӑмнӑ тет.

*Сюк (в чувашском написании «сук») значит «нет».

**Арась (по-мордовски) — нет.

БУРЯ

Однажды мы на току молотили хлеб. Откуда ни возьмись — туча, всё кругом потемнело. Налетела буря и ну наш посад ворошить. Беда да и только, все растерялись: кто лопатой снопы тычет, кого вилами зерно сгребать надоумило.

Молотивший вместе с нами сосед сел верхом на свою лошадь да рысит вокруг нас:

— Конец света пришёл, светопреставление! Где моя трубка? Где моя трубка?

Утихла буря — сами же над собой смеёмся.

У страха глаза велики.

ХУРАСКА

Пирён Хураска ятлă пысăк йытă пурчĕ. Эпĕ ăна хĕлле пĕчĕксĕ сунана кўлтĕм. Хам сунă сине лартăм та:

— Ну атя, Хураска, урамалла! — тесе пушăпа сат! тутартăм. Хураски сяттър-саттър! суни-мĕнĕпе кĕлет айне кĕрех кайрĕ. Манăн пуца кĕлет пĕрени сўмне шан! тутарса хăварчĕ.

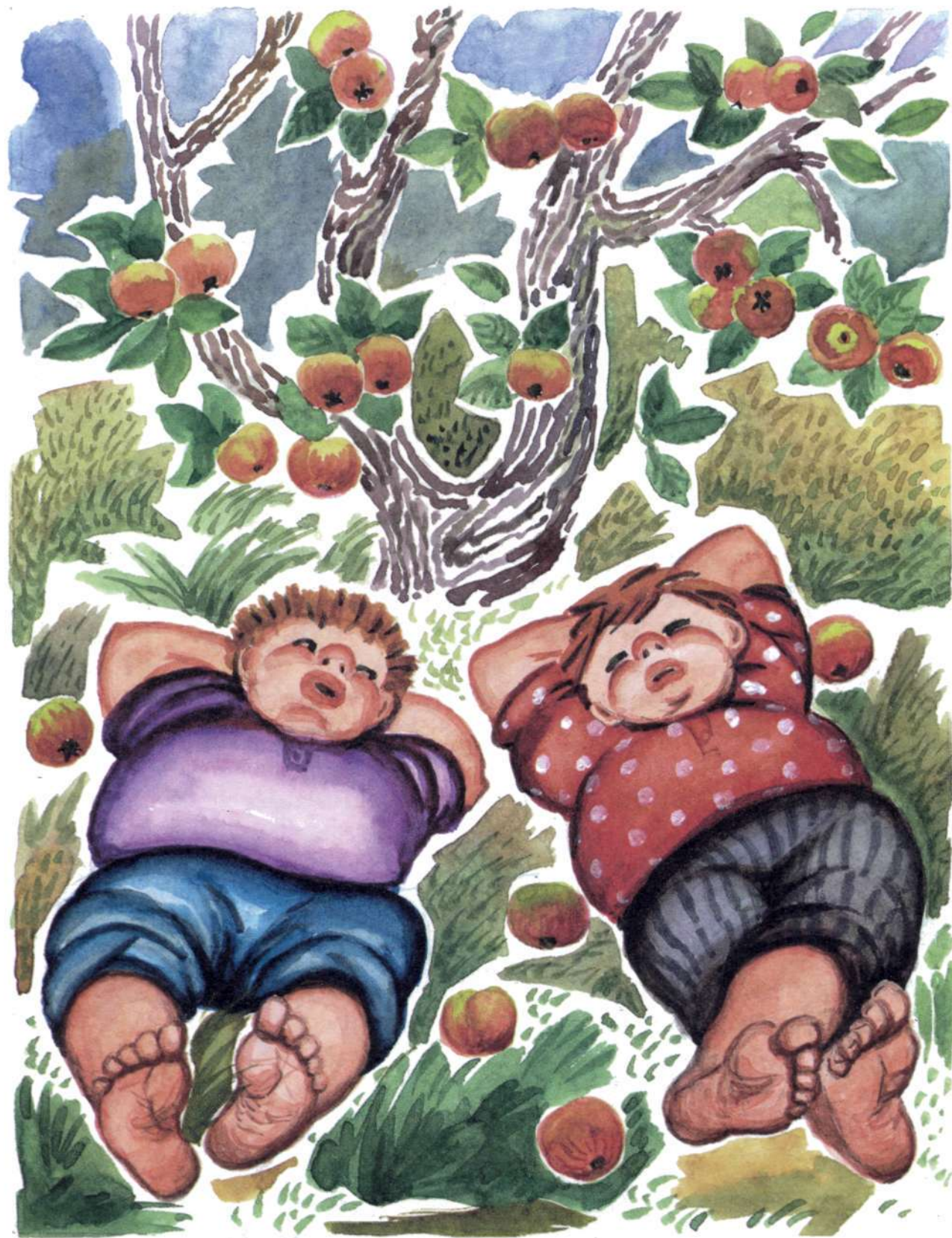
ХУРАСЬКА

Была у нас большая собака Хураська. Запряг я её зимой в салазки, уселся в них да крикнул:

— Но-о, Хураська, давай на улицу!

Стеганул я её что было силы кнутом, а она — раз! под амбар, а меня нижним венцом хлоп! по лбу.





КАХАЛПА ЮЛХАВ

Ёлѣк пѣр кахалпа юлхав пурѣнна тет. Кахалѣ улма йывѣс-
си айне кѣрсе ыртнѣ тет те:

— Ай-ай, манѣн сѣвара пѣрер улми татѣлса ўкинччѣ! — тесе
ыртать тет.

Юлхавѣ:

— Епле ўркенместѣн сѣк эсѣ сѣв сѣмаха калама? — тесе
калатъ тет.

ЛЕНТЯЙ И ЛОДЫРЬ

Жили когда-то лентяй и лодырь. Лѣг однажды лентяй
под яблоню и говорит:

— Эх, если бы мне прямо в рот яблоко упало!

А лодырь ему в ответ:

— Как только тебе не лень эти слова говорить?

ЙЎЛЎНТАРНИ

Пирѣн атте пасара каймассерен пирѣн валли кулачѣ илсе
таврѣнатчѣ. Пѣрре сѣпла пасартан таврѣнсассѣн атте пур-
сѣмѣра та пѣрер татѣк кулачѣ валессе пачѣ. Мана ыттисенчен
сахал панѣ пек туйѣнчѣ. Эпѣ кулача илмесѣр, йѣлѣнтарса, пѣр
кѣтесе кайса лартѣм.

Атте ман еннелле сѣврѣнса пѣхрѣ те:

— Мѣншѣн илместѣн тата кулачѣна? — терѣ.

Эпѣ пѣр чѣнмесѣр ларатѣп. Атте мана панѣ кулачѣ татѣкне
илчѣ те йѣмѣксене валессе пачѣ:

— Мейѣр, сѣийѣр Иван татѣкне, вѣл кѣтесре йѣлѣнтарса
лартѣр-ха! — терѣ.

Йѣмѣксем вара манѣн татѣка сѣирѣсч ячѣсч. Кайран ыйтасчѣ —
кулачѣ сук.

Сѣын аллинчи кукѣль пысѣккѣн курѣнать тесе ахаль кала-
ман сѣв ваттисем.



ПУСТАЯ ОБИДА

Каждый раз, когда отец ездил на базар, он привозил нам калач. Однажды, возвратившись домой, дал он его всем нам по куску. Мне показалось, что на мою долю досталось меньше, чем другим. Я обиделся, отказался от калача и сел в углу.

Отец подошёл ко мне и говорит:

— Почему это ты калач-то не взял?

Я молчу, будто в рот воды набрал. Тогда отец взял мой кусок и отдал его сестрёнкам:

— Кушайте, а Иван пусть в углу сидит да дуется.

Сестрёнки мой кусок и съели на доброе здоровье. Попросить бы теперь калача, да его и в помине нет.

Не напрасно говорят, что в чужих руках пирог больше кажется.

КУЛАЧА

Пёр ачанан кулачә сииесси пит килнә тет, ашшәне пасара каймассерен кулачә илсе кил тесе ярать тет. Пёрре пасар кунә ашшә сакна хутаҫа сәкәр чиктерет тет те кәк кәклама ертсе каять тет. Ана сине ситсен:

— Акә, ачам, сак кәксене кәкла, сәкәрна пёртте ан пәх, вәл хәех кулачә пулса ыртать, — тесе каларә тет, хәй пасара кайрә тет. Хай ача кәклать-кәклать тет те сәкәрне пырса пәхать тет — сәкәр кулачә пулман тет. Пәртак тәрсан татах пәхать тет, татах пулман тет. Каҫалла та суләнса пырать тет, ёнтә хырәмә темән пекех выҫса кайрә тет сакән — сәкәр саплах кулачә пулман тет. Касать тет те сәкәра тәвар сапса сиет тет — ай-ай тутләланса кайнә тет сәкәр, кулачәран та тутлә тет.

Тепёртакран ашшә пасартан таврәнчә тет.

— Ыакар кулача пулче-и, ывалам? — тесе ыйтат тет.

— Тесе кулача тесле пулмаре те, тути кулачаран та аван, — тесе калат тет леше.

— Сапла сав, ачам: еслесе сисен сакар та тутла, тарансан пыл та йусе, — тере тет ашше.

КАЛАЧ

Очень любил один мальчик калачи. Увидит, бывало, что отец на базар собирается, и всё просит его калач привезти. И вот однажды в базарный день отец велел мальчику взять котомку, положить в неё краюху чёрного хлеба и повёл его корчевать пни. Дошли они до места, отец и говорит:

— Вот, сынок, корчуй эти пни, а на хлеб и не смотри: он сам в калач превратится.

А сам отправился на базар. Покорчует-покорчует наш мальчик, подбежит к котомке и смотрит, а хлеб как был, так и остался, не стал калачом. Подбежит ещё — всё то же. День уж к вечеру, проголодался мальчик, а хлеб по-прежнему чёрный, а не белый. Отрезал он ломоть, посолил — да в рот: ой-ой, хлеб-то, оказывается, вкуснее калача стал!

Вернулся с базара отец.

— Ну, сынок, как? Получился из хлеба калач?

— Да, цветом-то всё тот же, чёрный, а на вкус куда лучше калача, — отвечает сын.

— Так вот оно, сынок: коль всласть поработаешь, так и чёрный хлеб вкуснее становится, а сытому и мёд горчит, — сказал отец.



ЭПЁ ЁКЁННИ

Манан атте куҫё курна чухне тулти ёҫрен пушансассан ялан сават-сапа тёплетчё, кашал ҫапатчё. Вёл ёҫленё чухне пирён валли выляма хам татакёсем темён чухлё пулатчёҫ.

Пёрре эпир кўршё ачи Кёркурипе хам татакёсемпе урай варринче вылякаласа ларатпър. Кёркури тепле ансъртран манан пурт пеккине ишрё пърархрё. Уншан манан Кёркурие ҫилё килчё. Эпё ана хам татакёпе пуҫёнчен пат! тутартам. Кёркури йёре пуҫларё. Атте илтрё те:

— Мёншён тиврён? Хавна тивсессён аван пулё-и? Авё ёнтё вёл киле каять, кампа выльан вёл кайсассан? — терё.

Кёркури чаных та ҫёлёкне, алсисене таханчё те алак патнелле утса кайрё. Эпё нимён чёнместёп. Тўсеймесёр йёрсе ятам. «Мёншён кана ҫапрәм-ши?» — тесе ёкёнтём хам ашәмра.

Кёркури эпё йёнине илтрё те:

— Ан йёр, Алюш, ан йёр, атя татах паҫърхи пек выляр, — терё.

Мана тата питех намас пулчё. Чаранаймасър тата хытарых йёре пуҫларәм. Кёркури ачашлакаласассан, йапаткаласассан тин чарантам.

«Нумай пётё, сахал ҫитё, пёрле пурәннине мён ҫитё», — тесе юрлаҫсё ваттисем.

Алакран тухса кайсассан алла тёслё ас кёрет.

МОЕ РАСКАЯНИЕ

Любил мой отец всяким делом заниматься, когда ещё зрячий был. Освободится, бывало, от работы по двору — сядет чинить вёдра да кадки, обручи на бочки набивать. Сколько тут нам оставалось всяких дощечек и разных обрезков!

Играли мы этими обрезками как-то у нас с соседским мальчиком Гришей. Я построил было домик, а Гриша его и

разломал невзначай. Ох и рассердился я на него! Схватил дощечку да хлоп! его по голове. Гриша заплакал. Отец посмотрел-посмотрел на меня и говорит:

— Зачем ты его обидел? Если тебя самого так? Вон он уже уходит. С кем играть-то теперь будешь?

Гриша и вправду надел шапку, варежки и идёт к двери. Я ни слова. Потом не выдержал и тоже заплакал. «И зачем только, — думаю, — я его ударил?»

А Гриша увидел всё это и говорит мне:

— Не плачь, Алюш, не плачь, давай играть по-прежнему.

Мне от этого ещё стыднее стало, заревел я в голос. Кое-как меня Гриша успокоил.

СУРКУННЕ

Суркунне хёвел хёртсе пәхать. Тулта ашә. Сил пёртте вёр-мест. Сўлте тәрисем юрлассё. Юр ирёле-ирёле кәшт ан-чах юлнә. Урам хушшинчи сырмасем чәл-чәл-чәл! юхса выр-тассё.

Эпир ачасемпе хәма татәкёсенчен кимё пеккисем турәмәр та пёр хытәрах юхакан сырмана ятәмәр. Хамәр: «Камән иртет! Камән иртет!» — тесе кәшкәркалашса кимёсем хысқан чупса пыратпәр.

Сапла чупса пынәсемён эпё хам умра мён пуррине курман та, шыв лупашкине лап! кётём ўкрём. Кёпем-йёмём йёп-йёпе! Сивё, шәнтәм хам!

Кёпе-йём уләштарас тесе киле чупса кайрәм.

— Аста йёпетрён? Епле йёпетрён? — теме пусларё мана анне.

Эпё тўррипе каласа патәм.

— Сук сана кёпе! Кай, кәмака сине уләхса лар! Ўлём умна-хысна чипер пәхса сўре! — терё.

Шывән турачё сук теҫсё.

ВЕСНОЙ

Весеннее солнышко светит ярко да жарко. На дворе теплынь, ветер не шелохнет. В небе жаворонки поют. Снег почти растаял, осталось совсем немного. По улицам бегут говорливые ручьи.

Мы с ребятами наделали деревянных корабликов и пустили их в быструю речушку. Сами бежим за ними по берегу да кричим: «Чей обгонит! Чей впереди будет!»

Я тоже бежал со всеми вместе, даже под ноги не глядел. Тут и стряслась беда: не заметил я лужу перед собой — бултых! в неё с головой. Всё на мне мокрёхонько, сам до костей продрог!

Побежал я тут домой: переоденусь, мол.

— Где это ты так извозился? Нитки сухой нет... Как это тебе помогло? — начала меня расспрашивать мама.

Я всё рассказал, как было.

— Нет тебе других штанов да рубашки! Залезай вон на печь да сиди там! Впредь будешь себе под ноги глядеть!

Не зря говорят, что вода без сучков: попадёшь в неё — не зацепишься.

ВИЛНЁ ЧЁПЁ ЧЁРЁЛНИ

Пёрре мана тырă вырнă вăхăтра чёпё сыхлама хăварчĕс. Ун чух чёпĕсем тухни виçĕмĕш кун анчахчĕ, çавăнпа вĕсене пуртех хупса хăварчĕс.

Аттесем кайсан эпĕ чёпĕсене ситере пусларăм. Пирĕн пуртре таракан пит нумайчĕ. Эпĕ чёпĕсене таракан ситерес тесе сакка илтĕм те ăна урай сÿмне шакка пусларăм. Шакканă чух тепле пĕр чёппе сăмсинчен тиврĕ те чёпĕ çаврăна пусларĕ. Çаврăнсан-çаврăнсан кайрĕ ўкрĕ те вилчĕ. Эпĕ ăна илтĕм те чёрёлмĕ-и-ха тесе хĕвел ăшшине чурече сине хутăм. Хăранипе

хаман ништа кайса кёме сук чёре сунать, нимён тәва пёлмесёр тула тухса кайрәм. Урамра ман юлташсем выляса сүрессё. Манән выляс та килмест. Курәк сине лартәм та аттесене мён каләп-ши ёнтё тесе тем пек хуйхәратәп, ларсан-ларсан савантах йёрсе те илетёп тата хам. Ача әсё сав, темён йёмелли пур сав чёпёшён! Унтан пүрте кётём те пәхатәп: хайхи чёпё чүрече синче лара парать. Чёрёлнё ку, әш сунтармәш! Эпё әна чүрече синчен илсе урайне ятам та, ку амәшё патне чупса кайрё. Вара тин манән чёре ләпланчё.

Кақхине аттесем вырмаран таврәнчёс. Эпё мён пулнине вёсене вәл қасах каласа кәтартаймарәм, пёр-икё эрне иртсен тин каларәм. Аттесем вара кулса каларёс:

— Ку айван мёнпур чёппе вёлерсе пётерё, — терёс.

Савантан кайран эпё чёпёсене алла тытма та хәраттам.

ОЖИВШИЙ ЦЫПЛЁНОК

Как-то раз во время жнитва оставили меня дома цыплят караулить. Были они малюсенькие, всего три дня как вывелись. Поэтому их пустили прямо в избу.

Ушли отец-мать, а я начал цыплят кормить. В избе у нас в то время было много тараканов. Дай, думаю, цыплят ими накормлю. Взял я доску с нар и начал стучать ею об пол, чтобы тараканов стряхнуть. И не заметил, как задел одного цыплёнка по клювику. Покружился-покружился он на одном месте, вытянулся да умер. Поднял я его с полу, положил на подоконник на солнышко: не отойдёт ли, думаю. Сам очень испугался, сердце так и колотится, не знаю, что и делать. Вышел я на улицу. Там друзья веселятся, а мне и играть не хочется. Сел я на лужайке да горюю: «Что я теперь отцу-матери скажу?» Даже плакал от горя. Умишко-то ребячий, стоило ли из-за цыплёнка плакать! Вернулся в избу, смотрю и глазам не верю: сидит мой цыплёнок на окошке как ни в чём не бывало. Ожил мучитель! Спустил я его на пол, а он бегом к клушке. Тут только я и успокоился.

Вернулись отец с матерью вечером домой. Побоялся я им тут рассказать, что было, недели две смелости набирался. А они посмеялись надо мной и говорят:

— Ты, глупыш, всех цыплят так у нас переведёшь.
После этого я и в руки боялся цыплят брать.



ЭПЁ СЕХЕТ СЪМЁРНИ

Манан атте сехет тўрлетме аста. Сехет Хёветки тесен анал тасти сын та пёлет. Ана кура пёчек чухне манан та сехет тўрлетес килетчё. Анчах аттесем эпё айваннине кура мана сехетсем тўрлетме мар, вёсен сўмне сёртёнме те хушмастчёс. Эпё савах вёсем килте сук чухне тыткаласа пэхаттам.

Пёрре сапла атте пёр сехете салатса тэкрё те тўрлете пусларё, тўрлетсен-тўрлетсен хай тақта тухса кайрё. Анне кўрше ларма кайнэччё. Пиччесем иккёшё те ирех вэрмана вутта кайсаччёс. Мана ирэк пулчё: малатук илтём те сехет ураписене шакка пусларам, анчах манан сапмассерен шалёсем хушалацсё. Ёслесен-ёслесен каялла савранса пэхрам та чўрече витёр атте килнине курах кайрам. Часах сехет ураписене хуратап та камака сине улахса ыртатап. Атте килчё те сехетсене тўрлетме пусларё. Курать ку: хаш-хаш урапин шалёсем хушак. Унталла-кунталла пэхкаларё те хайхискер эпё камака синче ыртнине курах кайрё. Ман пата пычё те ыйтать:

— Элексей, сехет урапи шалёсене эсё хушран-им? — тет.

— Су-ук, эпё мар, — терём эпё.

— Епле эсё мар? Сансар пушне урах никам та сукчё кунта! — терё. Унтан атте тытанчё мана ятлама:

— Мён тумаллине пѐлместѐн пулсан ўлѐмрен пырса ан сыпсѐн! — тесе темѐнччен ятласа каларѐ.

Ѕавѐнтан кайран эпѐ нумайччен шухѐшласа сўрерѐм.

КАК Я ЧАСЫ ИСПОРТИЛ

Отец у меня мастер часы чинить. Скажешь о Фѐдоре-часовщике — вся округа его знает. Глядя на отца и мне тоже захотелось часы чинить. Однако отец с матерью, считая, что я ещё мальчишка, не только часы чинить — близко меня к ним не подпускали. Всѐ-таки, когда их не бывало дома, я с часами возиться пробовал.

Однажды отец разобрал часы и начал их чинить, а потом куда-то ненадолго вышел. Мать в соседи ушла, старшие братья в лес за дровами уехали. Мне полное раздолье! Взял я молоток и начал им по колѐсикам постукивать. Ударю раз — зубья отлетают. Вдруг вижу из окна: отец возвращается! Я быстренько положил всѐ на место, а сам забрался на печку. Отец вошѐл и опять сел за работу. Глядит — зубья у колѐсиков сломаны. Огляделся он кругом, видит — я на печке лежу. Подошѐл и спрашивает:

— Алексей, ты колѐсики от часов переломал?

— Нет, — говорю, — не я.

— Как это не ты? Кроме тебя здесь никого и не было! — начал он тут меня ругать да корить: — Коли дела не знаешь, и соваться нечего!

Долго я потом эти слова обдумывал.



ШАРЧАКПА КАТКАСЕМ

Кёркунне каткасен туллине нур сапна. Вёсем а́на типётме тытáнна. Пёр вы́са аптранá шáрчáк вёсенчен сime ыйтáна.

— Епле эсё сулла ху валли сime хатёрлеймерён? — тесе каларёс тет каткасем кáна.

— Юрáсем юрланипе пушанаймарáм-ске, — тесе каларё тет шáрчáкё.

Каткисем ахáлтатса кулса ячёс тет те:

— Сулла выляса-кулса ирттертён пулсан хёлле ташласа пáх-ха эппин, — тесе каларёс тет.

СТРЕКОЗА И МУРАВЬИ

Непогожей осенью отсырела у муравьёв пшеница. Принялись они её сушить. Подошла тут к ним голодная стрекоза и попросила накормить.

— Как же это ты летом себе ничего не запасла? — спросили её муравьи.

— Да я всё пела, мне и времени-то не было, — отвечает стрекоза.

А те ей говорят:

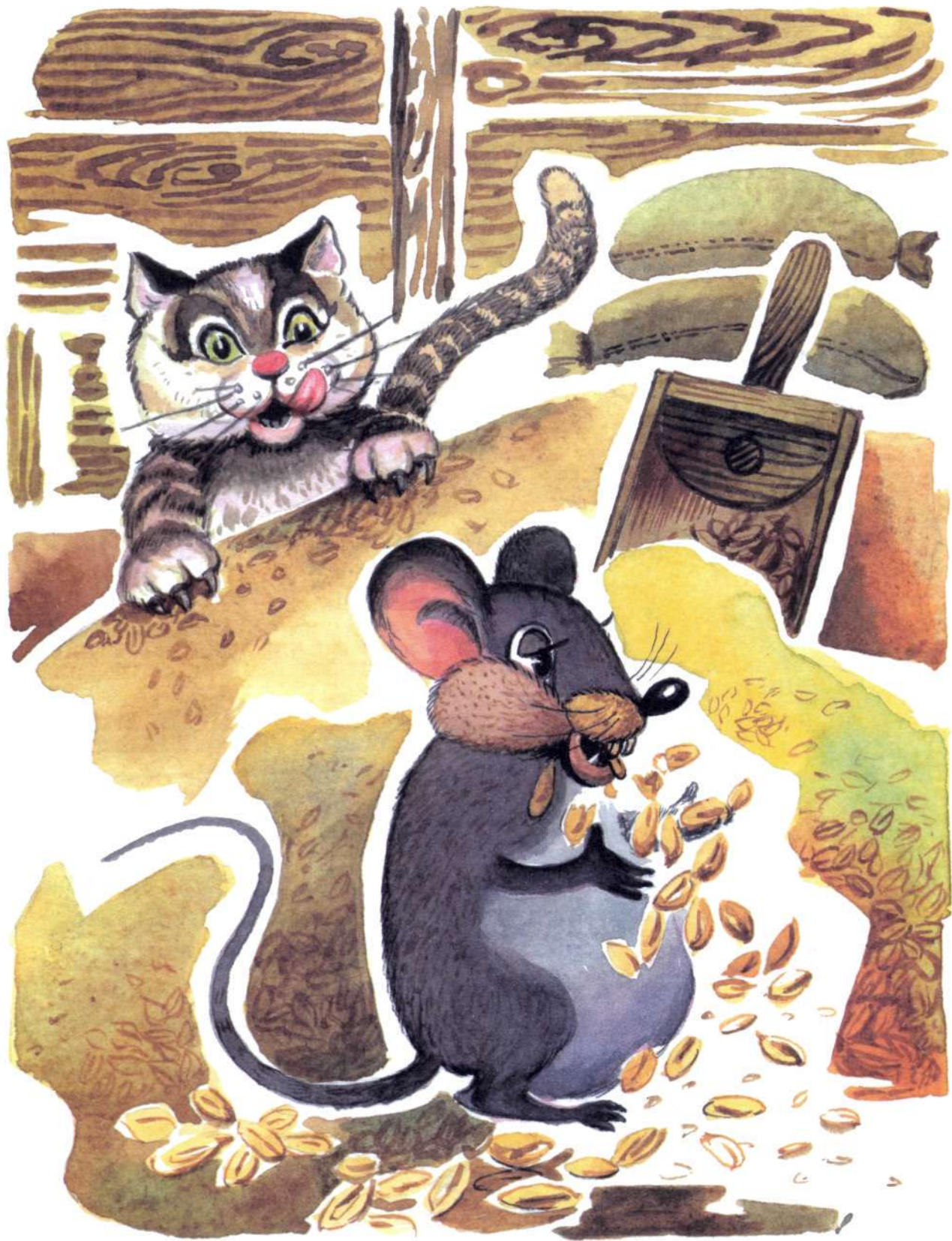
— Лето красное пропела, а зимой вот попляши.

ШАШИ

Пёр вы́са ырхан шáши кёлет урайне шáтарса кёлете кёчё тет. Кёлетре сёр хута тырá сирё тет. Хырáмё параппан пек кúпсе кáйрё тет кунáн. Хайхи киле таврáнас тесе шáтáкё патне пычё тет те шáтáкран пу́сё тухать тет, хырáмё тухмасть тет. Асапланчё-асапланчё тет, ниепле тухаймарё тет.

Ирхине кёлете кушак кёчё тет те тытрё сирё тет хайхи шáшие.

Савáнпа каланá та пырна пула пу́сна сийён тесе.



МЫШЬ

Прогрызла голодная мышь половицу и забралась в амбар. Сама — кожа да кости. В амбаре она всю ночь зерном угощалась. Живот у неё раздулся, как барабан. Собралась она домой, сунулась в свою дыру, а не тут-то было: голова пролезает, а живот не пускает. Билась-билась она, так и не сумела пролезть.

Утром пришла в амбар кошка, поймала ту мышь и съела. Не зря говорят: жадность до добра не доведёт.

УЅЀЛМА ТУХНЀ ШЀШИ ЅУРИ

Пёр шЀши ѕури шЀтЀкёнчен уЅЀлса ѕўреме тухнЀ тет. Ѕўресен-ѕўресен амЀшё патне таврЀнчё тет те:

— Ах, анне, эпё икё кайЀк куртЀм-ѕке! Пёри пит аван, тепри тискер тенипе тискер ёнтё! — тесе калать тет амЀшне.

— Мёнле кайЀксем вёсем апла? — тесе Ыйтрё тет амЀшё.

— Тискерри картишёнче ак ѕапла уткаласа ѕўрет-ѕке!.. ХЀй хура ураллЀ, хёрлё ѕёлёклё, куѕёсем сиксе тухас пек, сЀмси куќЀр! Эпё умёнчен иртсе пынЀ чух хЀрах урине ѕўлелле ѕёклерё те ѕаварне карса пЀрахрё, унтан кЀшкЀрса ячё-ѕке! ХЀранипе ниѕта кайса кёре пёлмерём ѕав.

— Вара, ачам, автан-ѕке вЀл! Унтан мён апла тёрлё хЀраси пур! УнЀн пирён тёлтен нимён усаллЀхё те ѕук. Тата тепри мёнлеччё?

— Тепри хёвел Ѐшшинче ЀшЀнса выртатчё. ВЀл шурЀ мЀйлЀ, яп-яка, сЀрЀ ураллЀ. ШурЀ ЀмЀрне ѕулакаласа выртатчё. Хўрине хЀй кЀшт вёл-вёл сиктеркелет, ман ѕине куѕне пёр ил-месёр пЀхать.

— Эх, айван, айван!.. Вара, ачам, вЀл кушак аѕи, — тесе каларё тет амЀшё ѕурине.

ПЀхма хЀйсем хёвел пек, Ѐшё-чикки хура юн тени ѕав ёнтё.

МЫШОНОК НА ПРОГУЛКЕ

Вышел однажды мышонок из своей норы погулять. Погулял он, погулял, вернулся к матери и говорит:

— Ну, мама, я двух зверей видел! Один-то уж больно хороший, а другой — прямо страшилище!

— Что же это за звери? — спрашивает его мать.

— Тот, который страшный, по двору расхаживал!.. Ноги у него чёрные, шапка красная, глаза того и гляди выпрыгнут, нос крючком! Прощмыгнул я мимо него, а он как закричит! У меня со страху душа в пятки ушла.

— Эх, сынок, сынок... Да ведь это петух! Его бояться совсем не нужно! Мы для него что есть, что нет. Ну, а другой каков?

— А другой на солнышке лежал, грелся. Шея у него белая, сам он гладкий-гладкий, ноги серые. Себя всё облизывал. Хвостом чуть помахивал, а с меня глаз не спускал.

— Эх ты, глупый, неразумный!.. Ведь это же кот, — испуганно сказала мышонку мать.

Так-то вот: не всё солнышко, что блестит.

ТИЛЁПЕ ТАРНА

Тилё тарнана хай патне ханана йыхарса кайна тет. Тарнана ситерме тесе ку патя пёсернё тет. Паттине ашах тирёк сине сёркелесе анчах лартна тет тарна умне.

— Сиех, тарна тус, сиех! — тесе сёнет тет хай. Тарна вярәм сямсипе патта так-так, так-так тутаркаларё тет те саварне нимён те кёмерё тет. Тилё вара кайран хана валли антарна паттине хәех суласа ячё тет.

Тепёр кунне тата тилле хай патне тарна ханана йыхарса кайрё тет. Пёсерчё тет ку яшка. Ана тилё умне вярәм майлә какшәм сине антарса лартрё тет.

— Ыиех, тилё тус, ыиех! — тесе сёнет тет. Тилё кăкшăм тавра кускаласа ыўрерё-ыўрерё тет, кăкшăм ашне пусне ни-епле кёртеймерё тет, тутанса та пăхаймарё тет тăрна яшкине. Тăрна хайён вăрам майне кăкшăм ашне чиксе ячё тет те яшкине хăех ысисе пётерчё тет. Кайран:

— Ыилленсе ан кай ёнтё, тилё тус! — тесе асатса ярать тет лешне.

Ыакър-тавар хире-хирёс теысё.

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Пригласила раз лиса журавля в гости. Решила она его кашей попотчевать. Размазала она свою кашу по мелкому блюду и поставила перед журавлем.

— Кушай, журавушка, кушай! — угощает его. А тот долгим-то клювом тук-тук, тук-тук, а в зоб-то ему и не попало ничего. Лиса потом сама всю кашу вылизала.

Другой раз уж журавль к себе в гости лису пригласил. Сварил журавль похлёбку. Поставил он её перед лисой в кувшине с длинным горлом.

— Кушай, лисичка-сестричка, кушай досыта, — угощает журавль. Повертелась-повертелась та перед кувшином, да голову в него никак просунуть не может. Похлёбки ей даже попробовать не удалось. Сунул журавль свой длинный клюв в кувшин да сам всю похлёбку съел.

— Не обессудь уж, лисонька, — провожал он свою гостью.

С той поры у лисы с журавлём дружба врозь.





ТИЛЁ ТУС

Тилё иҫём ҫырли пахчи патне пырса тәнә тет. Иҫём ҫырли ҫупкәмәсем пахчара ярәмән-ярәмән ҫакәнса тәраҫсә тет. Тилё икё уранән та тәрса кармашса пәхать тет, сиксе те пәхать тет, ҫырлине ниепле ярса илеймест тет. Шалт супса пётрә тет те хайхи кайрә тет вара майне-куҫне пәркаласа:

— Эй, пәхма анчах илемлө-ҫке! ҫи-халә әна, ҫаварта пёр шәл та хәвармә! — тесе пырать тет хәй нимән тәвайман енне.

ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА

Забралась лиса в виноградный сад. А виноград-то целыми гроздьями висит. Что уж тут лиса ни вытворяла, что-бы винограда покушать: то на задние лапы встанет, то прыгнет, да нет: не достаёт до ягод. Из сил лисица выбилась и ушла, несолоно хлебавши, головой от злости качает:

— Э-э, ягоды-то эти только на вид хороши! Попробуй-ка их, живо без зубов останешься!

КАШКӘРПА ПУТЕК

Кашкәр пёр путек ҫырма хәрринче шыв ёҫнине курнә. ҫак путеке ун пит тытса ҫиесси килсе кайнә. Кәна ку әҫтан та пулин айәпласшән кәшкәрса пәрахса калать:

— Эсә шыва пәтратаһән, мана ёҫме памастән, — тет.

Путекки калать:

— Ах, кашкәр, эпё шыва епле пәтратам? Эпё санран ана-тарах тәратаһ-ҫке, ёҫесе те тута вёҫёпе анчах ёҫетёп, — тет.

Кашкәрә калать:

— Эппин тата мёншён эсё иртнё сұра манан аттене темён те пёр каласа пётертён? — тет.

Путекки калать:

— Кашкәр, вара иртнё сұра эпё суралайман та-сқе, — тет.

Кашкәр сапла шалт силленсе ситнё те каланә:

— Сана тавлашса сентереймён, эпё халё высә, саванпа снетеп ёнтё сана, — тенё.

ВОЛК И ЯГНЁНОК

У видел волк, что ягнёнок у речки воду пьёт. Захотелось волку этого ягнёнка съест. Начал он к ягнёнку придираться:

— Ты мне воду замутил!

Ягнёнок волку в ответ:

— Эх, волк, как же я могу тебе воду замутить, ведь я ниже тебя стою.

А волк снова:

— Зачем это ты в прошлом году моего отца изругал?

Ягнёнок опять не соглашается:

— Да меня в прошлом году и на свете не было.

Рассвирепел волк:

— Тебя не переспоришь, я голодный и поэтому тебя съем.

ЙЫТАПА УНАН МЁЛКИ

Пёр йытә шәмә хыпнә тет те қасма тәрәх қасать тет. Шыв-ра ку хәй мёлкине курах кайрә тет. Сәварәнчи шәмминне часрах пәрахать тет те хәпәл-хапәл шыва сике парать тет лешин сәварәнчен туртса илес тесе. Хәй сәварәнчи шәмминне те сұхатрә тет, лешне те илесси пулаймарә тет.

Савә ёнтё нумая хапсансассан нимёнсёрех тәрса юлан тени.

ЖАДНАЯ СОБАКА

Собака несла кость в зубах и стала через ручей по перекладине переправляться. Вдруг видит она собаку с костью в воде. Бросила она тут же свою кость, прыгнула в воду и хочет кость-то у другой собаки отнять. И свою кость потеряла, и чужой кости нет.

Так вот бывает, когда пожадничает.

ИКЁ ЙЁКЕХУРЕ

Икё йёкехуре пёр сьамарта тупнй тет, йна уййрса сьисшён тет. Вйл сьамартанах курак та курнй тет, пырать тет кусем патнелле. Мён тавас йёкехуресен? Аста чикес сьамартана? Часрах ййтса кёрес — аласем кёске, тытма сьитеймессё; кустарса кёрес — сёмёрёлесрен хйрушй. Хайхисем пёри часрах сьамартана таватй урипе ыталаса месерле выртрё тет, тепри йна хуринчен ярса илсе тёпсакайне сётёрсе кёрсе кайрё тет.

ДВЕ КРЫСЫ

Нашли как-то две крысы яйцо и вздумали его поделить. А яйцо это, оказывается, и ворона серая углядела. Смотрят крысы, а она тут как тут. Задумались, забеспокоились крысы. Как им быть? Куда яйцо спрятать? Утащить бы его скорее в нору, да нет, лапы короткие, яйцо ими никак не обхватишь. Катить его? Тоже не выйдет — разбиться может. Легла тут одна крыса на спину и обняла яйцо всеми четырьмя, а другая её за хвост. Так и уволокла в подполье.



САВАКАН ЁНЕ

Пёр сыннан савакан ёне пулна; въл куллен пёрер чўлмек сёт панă. Сав сыннан хана йыхармалла пулна. Въл сын сёт нумай пухантар тесе ёnene вунă кун сумасар танă. Вун-намеш кун сав ёне вунă чўлмек сёт парё тесе шухашланă въл сын. Ёненён сечё типнё те, въл ёлеххинчен те сахал панă вара.

ДОЙНАЯ КОРОВА

Была у одного человека хорошая дойная корова; каждый день она горшок молока давала. Пришлось как-то этому человеку гостей созывать. Решил он целых десять дней не доить свою корову: думал, лучше сразу за один раз десять горшков надою. А у коровы-то молоко уж пропадать стало, и дала она меньше прежнего.

ХЭСЁР ЁНЕ

Пёр арăман пит турăх сиесси килнё тет. Ёни хёсёр тет кунан, сёт памасть тет. Кăшт та пулин сапах сёт памё-ши тесе каять тет ку картана. Ёни выртнă тет. Хăпăл-хапăл илет тет курка та чупать тет кўршё арăмё патне.

— Аккам! Ёне пăрулама выртнă, кёвелёк парса ярччё ма-на, — тесе ыйтать тет.

— А те пăрулама выртнă-халё въл, те ахаль выртнă? — тесе каларё тет лешё.

— Ана-кăна пёлмерём эппин эпё, — тесе каллех тухса кайрё тет хай арăм.

Туман тихан пилёкне ан хуc теcсё сав.

ЯЛОВАЯ КОРОВА

Уж так захотелось одной хозяйке кислого молока поесть, да вот беда: корова у неё была яловая и молока не давала. Всё же пошла хозяйка в хлев: авось, думает, надою молока хоть немного. Зашла она в хлев, а корова лежит. Всполошилась хозяйка, засуетилась, к соседке побежала:

— Сестрица! Корова у меня телиться хочет, легла, дай мне, пожалуйста, для закваски кислого молока!

— А корова-то, может, так просто легла, а не телиться хочет? — говорит соседка.

— Вот этого я не знаю, — ответила хозяйка и пошла домой.

Не садись на жеребёнка, пока его ещё и на свете нет.

ЁНЕПЕ КАЧАКА ТАКИ

Пёр карчакан ёнепе качака таки пулна. Ёнепе качака таки кётёве пёрле суренё. Ёни суня чухне пёртте тап таман. Пёрре карчак тавар сапса сакяр илсе тухня та ёнене йапатса:

— Тап тяр, айван, ме, ме, тап тярсан тата илсе тухса парап, — тенё.

Тепёр каqxине качака таки кётурен ёнинчен маларах таврәнать те карчак умне пырса урисене чаркаласа та тярать. Карчак а́на ал шаллипе хамсарать. Качака таки шапах тярать, тапранмасть те. Вай карчак ёнине тап тярсан сакяр парап тенине манман.

Карчак качака таки итлеменнине курать те а́на патак илсе саптаркаласа ярать. Качака таки кайсан карчак каллех ёнине сакяр парса йапата пуслать. Качака таки вара шухашлать: «Ку сынсен тёрёсси-мёнё сук иккен. Эпё ёнерен те лайахрах тятам, сапах саптарчё мана», — тет.

Хайхи аяккарах каять те чупса пырса тӓрӓст! тутарать карчӓка. Карчӓк сӓчӓ-мӓнӓпех пӓлтӓр-палтӓр чикеленсе кайрӓ тет вара.

КОРОВА И КОЗЁЛ

Держала старуха корову да козла. Вместе они и в стадо ходили. Корова была — хоть плачь с ней: как доить — так лягаться. Один раз старуха посолила кусок хлеба и давай корову уговаривать:

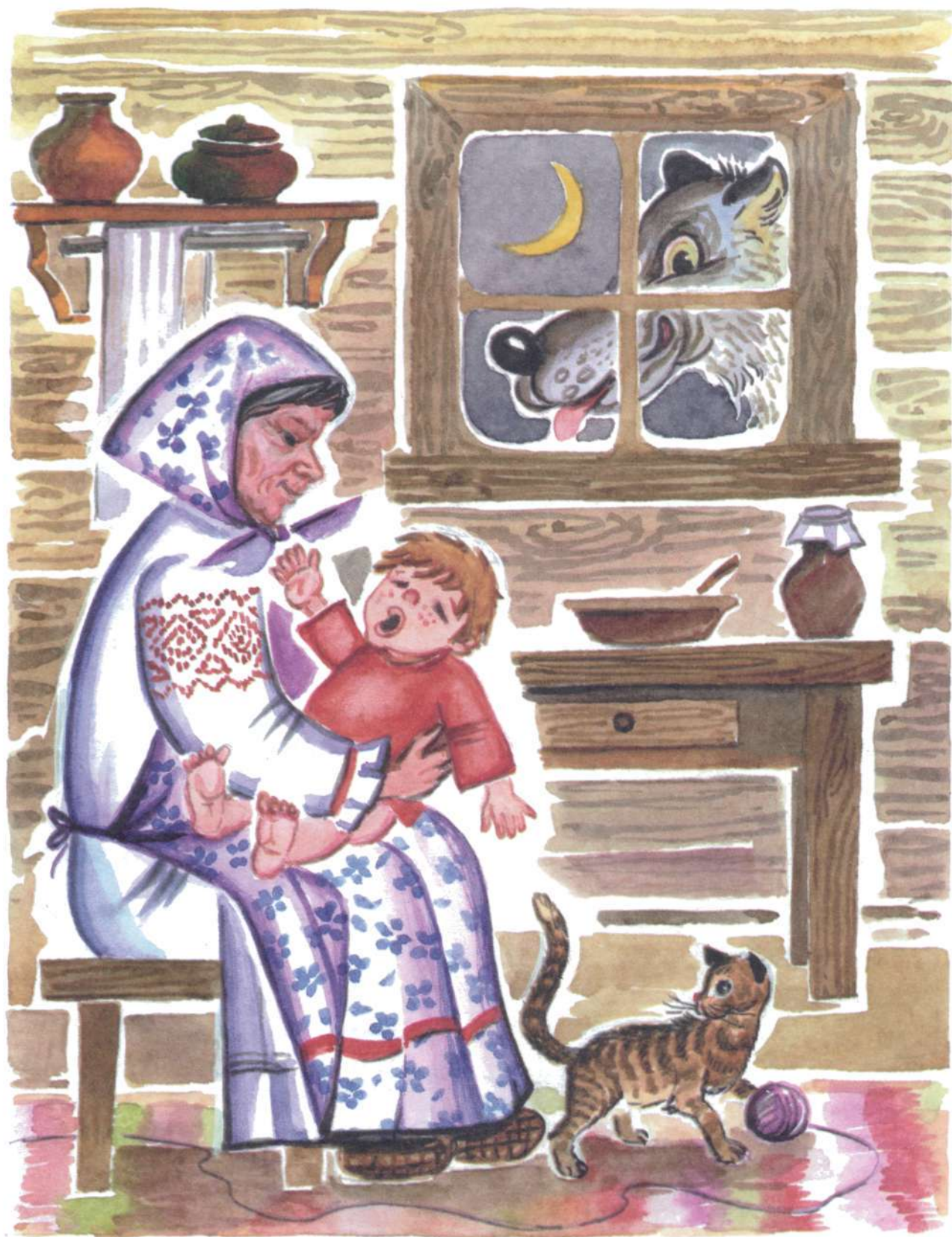
— Стой спокойно, озорница, на вот, на, не будешь лягаться — ещё вынесу.

На другой день пришёл козёл из стада раньше коровы, подошёл к старухе и встал растопырив ноги. Та на него утиркой замахивается. Козёл стоит, хоть бы что. Он-то уж хорошо помнил, как старуха хлеба корове давала.

Посмотрела-посмотрела старуха на козла, взяла палку да прогнала его. Как только козёл отошёл, старуха опять стала угощать корову хлебом. «Видимо, нет всё-таки в людях правды, — подумал козёл. — Разве я как корова стоял? Так нет, меня же и отколотили!»

Отошёл козёл подальше, разбежался да как даст старухе рогами! Та со своим подойником да молоком так об землю и загремела.





УКСА УЙЌРНИ

Икё сын пёрлешсе ёсе кайнӑ тет, ёслесе виҫё тенкё укса тупнӑ тет. Ҫав уксана уйӑраймасӑр тавлашса виҫё кун ирттерчӑс тет. Апла тавлашса ирттериччен тата виҫё кун ёҫленё пулсан миҫешер тенкё тивёччё вёсене?

Ахаль тӑриччен кёрёк аркине те пулин йӑвала теҫсё.

БЕСПЛОДНЫЙ СПОР

Ходили в старину два человека на сторону и заработали три рубля. Целых три дня они эти деньги поделить не могли. А самим и невдомёк, сколько бы за это время денег заработали, кабы время в бесплодных спорах не проводили.

Не зря говорят, что лучше баклуши бить, чем так сидеть.

КАШКӑРПА КАРЧӑК

Выҫ кашкӑр апат шыраса ҫӑрет тет. Пёр ял патне пынӑ тет те хёрринчи пуртре ача йёнине илтех кайрё тет. Тата вӑл пуртре карчӑк сасси илтёнет тет. Карчӑк ачана чарать тет:

— Йёрсе чарӑнмасан эп сана кашкӑра парӑп ак, — тесе калать тет.

Кашкӑр ӑна илтсен тапах чарӑнчё тет те:

— Ку ачана халь кӑларса пӑрахёс мана валли, — тесе кётсе тӑрать тет. Каҫах пынӑскер ҫур ҫёрччен кётнё тет. Хайхи ларсан-ларсан татах карчӑк сасси илтённё тет.

Карчӑк ачана калать тет:

— Ан йёр, ачам, ан йёр, кашкӑра памӑп сана; килтёр-халё кашкӑр кунта, чукмарпа ҫапса вёлерёпёр ӑна! — тесе каларё тет.

Ана илтсен кашкър шухайшларё те: «Ку пуртре каласса пёр тёрлэ каласёё те тавасса урах тёрлэ тавасёё куранать», — тесе каларё тет; вай вырантан паракса кайрё тет вара.

СТАРУХА И ВОЛК

Рыскал голодный волк, всё искал, где бы ему пожить. Подкрался к деревне — слышит, в крайней избе ребёнок плачет, а старуха его спать укладывает да приговаривает:

— Не перестанешь — волку тебя отдам.

Волк так и замер и уши наострил:

— Вот удача: сейчас этого ребёнка мне выкинут, вот мне и ужин.

Ждал волк до самой полуночи. Сидел-сидел, а тут снова голос старухи:

— Не плачь, дитяtko, не плачь, волку я тебя не отдам; покажись он здесь — я его тут же дубиной пришибу!

Услышал это волк и думает: «В этом доме, видно, говорят одно, а делают другое».

Встал он, несолоно хлебавши, и давай бог ноги.



СУХАЛНӀ УҚСА ТУПӀАНИ

Пѐр сыннан укси сұхалнӀ тет, вӀррине ниепле тупаймас-сѐ тет. ПухӀанать тет пуху. Пуху пухӀанса ситсен староста каларѐ тет:

— ВатӀсем, вут тухрѐ! ВӀрӀ синче сӀлӀкӀ сунать, — тесе каларѐ тет.

Пѐр сын пусӀенчи сӀлӀкне аллипе ячѐ тытрѐ тет. ВӀрӀ савне пӀлчӀс тет вара.

НА ВОРЕ ШАПКА ГОРИТ

Пропали, говорят, у одного мужика деньги. Не найдѐт он вора — да и всѐ. Созвали сход. Как только народ собрался, староста и крикнул:

— Старики, беда, пожар! Шапка на воре горит!..

Тут один человек хватъ за свою шапку. Так и нашли вора.

ХӀВЕТӀР

ХѐветӀре кукӀашѐ сухаран таврӀансассӀн ватӀ турӀ лаши-не кӀтӀѐве яма утлантарса янӀ.

— Асту, ХѐветӀр, хытӀ ан хӀвала лашана, вӀл паян сухара ывӀаннӀ, — тенӀ.

ХѐветӀр ялтан тухсассӀнах лашине хытӀ хӀвала пусланӀ. Лаши, ывӀаннӀскер, кӀшт лӀрт-лӀрт чупкаланӀ та тӀпах чарӀаннӀ. Хай ХѐветӀр лаши синчен анса лашине сұран савӀтса кайнӀ вара кӀтӀѐве.

Ута пӀхакан сұран сӀремен, ватта пӀхакан высӀ сӀремен тессѐ ваттисем.

ХВЕДЕР

Вернулся дядя с пашни, посадил своего племянника Хведера верхом на лошадь и велел отвести её в табун.

— Смотри, — говорит, — Хведер, не гони лошадь, она и так сегодня на пашне из сил выбилась.

Выехал Хведер за околицу и давай лошадь понукать. А та, и без того измученная, потрусил-потрусил и встала, ни с места. Хоть плачь! Нечего делать, слез Хведер с лошади и повёл её за уздечку в табун.

Кто за лошадью глядит, тот пешком не ходит, а кто старших уважает, тот беды не знает.



СУЕҢҖ

Пёр ача хирте сурӑхсем кётсе сўрет тет. Кашкӑр куран пекки туса сынсене:

— Килёр кунта! Кашкӑр пур, кашкӑ-ӑ-ӑр! — тесе кӑшкӑра пусларё тет.

Сынсем чупса пычӑс тет, кашкӑрё сук та тет. Сапла ку пёрре улталарё тет, тепре те улталарё тет. Кайран хайхин патне чӑнах та кашкӑр чупса пынӑ тет. Хай ача сынсене чӑн-чӑнах кӑшкӑра пусларё тет. Каллех суеҗтерни пулӑ тесе сынсем пёри те пыракан сук тет кун патне. Никам сукне кура кашкӑр ачанӑн пётём кётёвне пӑва-пӑва тухрӑ тет.

Пёрре улталӑн, иккӑ те улталӑн, виҗсёмёшёнче макӑрӑн теҗсӑ ваттисем — сав ёнтӑ вӑл.

ЛГУН

Пас мальчик в поле овец. Начал он однажды для смеху кричать, что волки на стадо напали:

— Эй, скорее сюда! Волки, волки-и!

Прибежали люди, посмотрели, а волков и в помине нет. Раз обманул пастушонок, другой, да всё до поры. Однажды в самом деле волк на стадо напал. Тут уж наш лгун и взаправду людей звать стал, да те подумали, что опять он нарочно кричит. Так и не прибежал никто. А волк всё стадо перекусил.

Правду говорят старики: раз обманешь, другой, а на третий — заплачешь.

